

Русский национальный
бестселлер

АЛЕКСАНДР
КЕЛЬДЮШОВ

МЕДВЕДИЦА

Русский национальный бестселлер

Александр Кельдюшов

Медведица

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кельдюшов А. Г.

Медведица / А. Г. Кельдюшов — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Русский национальный бестселлер)

ISBN 978-5-00153-191-3

Роман основан на реальных событиях, произошедших в Бурятии 1986 году. Гибель медвежонка от рук браконьеров, ярость и боль толкнули медведицу на путь мщения. Работа по ликвидации зверя возложена на местное лесничество. Однако руководитель группы охотников понимает, что не вправе лишать жизни медведицу, мать, которая стала убийцей лишь по вине людей. Судьба сведет вместе семейную пару, потерявшую ребенка, и медведицу, поставив их роковой встречей жирную точку на драматической истории. Посвящается жителям Бурятии.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-191-3

© Кельдюшов А. Г., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Медведица	11
Вступление	12
Глава 1	19
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Кельдюшов

Медведица

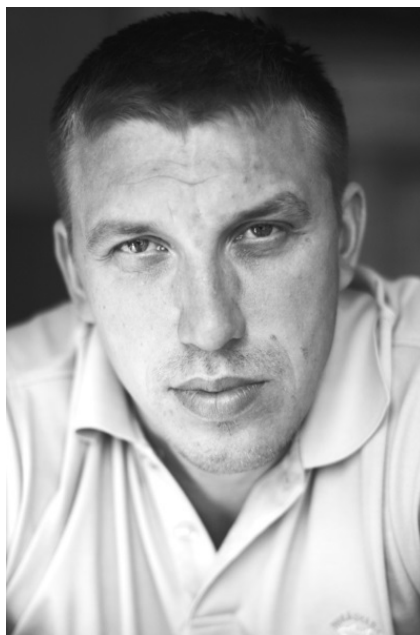

Русский национальный бестселлер

© А. Кельдюшов, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Кельдюшов Александр Геннадиевич родился в поселке Ключевка республики Бурятия. Учился в Ключевской общеобразовательной школе. В школе увлекался чтением художественной литературы, рисованием и спортом.

Летние каникулы проводил в лесничестве добровольным юннатом, помогая высадкой саженцев кедра, сбором ягод, грибов, кедровых орехов, а также изучая повадки животных и птиц.

В 1985 г. на острове Ольхой познакомился с бурятскими шаманами, чье виденье бытия физического и потустороннего мира, их взаимосвязь, заинтересовало и привело к изучению основ народной магии.

В 1994 г. поступил на дневное отделение в Московскую государственную академию физической культуры на факультет «Физические оздоровительные технологии», окончил обучение в 1998 году.

С 2001 г. работает в Московской государственной академии физической культуры в должности начальника отдела службы безопасности.

В академии проявил интерес к психологии и психоанализу, что с успехом применил в сюжетной линии своих произведений.

В 1996 г. издана первая книга **«Охотники за призраками»**.

В нее вошли три рассказа:

«Я люблю свою семью» – жестокая криминальная драма, основанная на реальных событиях, актуальная и по сей день.

«Загляни смерти в глаза» – криминальный детектив с элементами мистики, рассказывает о разгуле бандитизма в 90-х.

«Три желания» – мистическая утопия.

В 2008 г. вышла вторая книга – художественный сборник **«Я несу вам мир»**. В него вошли произведения:

«Отчуждение» – мистический детективный роман о расследовании таинственных смертей в одной благополучной на первый взгляд американской семье;

«Загляни смерти в глаза. Месть» – продолжение мистического рассказа, вот только жертва с насильниками поменялись местами;

«Крылья ангела» – публицистическое размышление о противостоянии души и тела, религии и соблазнов.

2010 г. – роман **«Медведица»** о трагедии, произошедшей в республике Бурятия в **1986 г.**, – убийстве браконьерами медвежонка и о том, к каким трагическим последствиям событие привело.

2011 г. – мистический детектив **«Отчуждение»** вышел отдельной книгой.

2011 г. – **«З.Л.О.»** – **«Зона Любит Отчаянных».** Это история о чернобыльской зоне из серии «Сталкер». Противостояние убийцы-изгоя и его друга, мутанта, с хозяевами ЧАЭС во имя спасения еще не рожденной Зоны в облике человеческого младенца.

2013 г. – сборник афоризмов **«Кладезь мудрости дурака».**

В 2017 г. – **“She-bear”** – роман «Медведица» переведен и издан на английском языке в книжной серии Nabokov Prize Library.

Сайт автора www.keldushov.ru

* * *

Если посмотреть на карту России, визуально разместить на ней человеческое тело, потом взять и обвести силуэт, то обрисуется примечательная фигура. Голова – Центрально-Европейская часть, правое плечо – Крым, левое – Карелия, туловище Алтай и Сибирь, поясница – как и обычно, находится в самом труднодоступном месте – Заполярье, ноги – Дальний Восток и Чукотка, стопы – Камчатка и Сахалин, и где-то там на голове блуждающий третий глаз, внимательно наблюдающий за Европой, – Калининград, завершающий общее сходство со сказочным героем. Такой себе величественно застывший гигант на страже безопасности земли, погруженный в себя и тревожно созерцающий будущее. А если взглянуть под другим углом, можно обнаружить устремленно шагающего человека в ботфортах, в шляпе с широкими полями, с трепещущим пером в Калининграде и кончиком шпаги, ненавязчиво касающимся Арктики. Его воинственный облик отдаленно напоминает Петра I, который словно всем своим видом показывает нам: не в том месте он прорубил окно, впору его заколачивать и направляться на восток, только там мы обретем долгожданное благополучие и покой. Вот такая очеловеченная у нас страна благодаря проживающему в ней народу. Что делает человека человеком кроме души? Мозг, понятно, значимый орган, но не духовный. Это наличие отзывчивого сердца. И место его расположения – грудь. Вот и получается, Алтай и Сибирь – это сердце России, где обитает дух русского человека. А если пофантазировать дальше и сравнить Россию с деревом, как это делали предки-язычники, корни – Дальний Восток, а крона – ее Европейская часть. Но сам ствол, на чем держится основа культурного наследия, – именно Сибирь и Урал. Это нечто фундаментальное. Ведь осенью крона облетает, чтобы весной распуститься вновь, в почве зарождаются молодые побеги, готовые дать новую жизнь, но ствол остается неизменным – твердый и надежный. Именно на нем держится духовная связь земли и солнца, он выступает гарантом стабильности будущей жизни. И те, кто не был в Сибири, не смогут прочувствовать всю гармонию природы, ее величие и силу, следовательно, не способны переродиться в ее девственных горнах. Только работой куется железо, превращая внутренний стержень в сталь. Основной испытательный полигон и тренировочный лагерь у природы – тайга. Тропинка в лесу не прямая; как по городу, не пройдешься; болота, кособоры, сопки, горные реки, буреломы – много приходится преодолевать трудностей в дороге, зато ноги становятся крепче и выносливее. Второй урок прививает выдержку: отмахивая километры через тучи кровососущих насекомых, нужно запастись нечеловеческим терпением, чтобы выстоять и не повернуть назад, домой, в более комфортные условия. И третий уровень работы – побороть свой страх. Идти, несмотря ни на что, вперед, догадываясь, что где-то поблизости бродит хищник, наблюдает и ждет случая, чтобы напасть, собрать всю волю в кулак, подавив панику, проворно залезть на ближайшее дерево и внимательно оглядеться вокруг. Вдруг интуиция тебя не обманывает и по твоему следу идет стая волков? Народная мудрость учит: лучше зверя оставить голодным, чем

накормленным собою. А то, что вовремя сбежал на дерево, не зазорно, гордость перебьется, нечего оправдываться перед ней, это не трусость, а своевременное отступление или разведка местности. Зависит от ситуации. Как говорится, волка бояться, в лес не ходить, а раз пошел, будь шустрее зверя.

Вот такая краткая инструкция по выживанию для новичка.

А вообще тайга – это бескрайний чистый мир, наполненный вездесущим умиротворением; вокруг льется чарующая мелодия пронизывающей тишины и спокойствия, умиляя голосами птиц и животных, убаюкивая шелестом листвы и кружа голову легким хвойным ароматом. Духовная лечебница, созданная талантливым мастером – природой, без красок и инструментов, очищающая тело и душу от напускной шелухи города. В лесу ты можешь быть самим собой, раскрепоститься, не боясь осуждения и не ожидая разрешения. Ты можешь испытать себя, доказать свою отвагу или замяться в нерешительности. Все, что бы ты ни сделал, станет для тебя житейским опытом, откровением того, где пролегает черта твоих возможностей. Ты можешь взять и уйти, избавляясь от переживаний и сомнений, неудобств и разочарований, от опасности встречи с медведем, волком, кабаном, лосем, от болезненных укусов комаров и оводов. А можешь остаться на месте, любясь красотой природы с безопасного расстояния. Но если в тебе течет дух авантюриста, нужно взять и сделать шаг вперед. И тогда перед тобой распахнутся двери в иной мир, где сказка уживается с реальностью. В мир природной магии. Тебе кажется, что лес слепой, неодушевленный, но это не так: он смотрит внутрь тебя, в саму душу, и видит твои помыслы. В лес нужно заходить с чистыми мыслями. Хотя можно и возразить: раз на раз не приходится. И человек ты положительный во всех смыслах, но не прошел в лесу и километра, оглянулся и внезапно понимаешь, заблудился. И это становится такой очевидной мыслью, что разом пропадают остальные желания, и особенно способность к здравому смыслу. И ты начинаешь в панике искать выход, возвращаться по своим следам, пытаться вспомнить знакомые ориентиры, искать стороны света, муравейники, мох на деревьях, кричать. А если дело близится к темноте, то твоя паника разрастается до масштабов вселенной, а воображение красочно рисует таких чудовищ, что Гоголь может в песочнице играть со своим Вием, плотоядно ожидающих крошечный мрак, чтобы утащить тебя в такие дебри, откуда не выбраться и на вертолете, а иногда и того похуже, представить, что они хотят с тобой сделать, это как срежиссирует твоя богатая фантазия. И вот в потемках тебе мерещатся за каждым кустом оборотни, черти, ведьмы, лешие. И только ты перешел на бег и, словно по волшебству, вываливаешься из леса, мокрый от липкого страха, весь исцарапанный ветками, с учащенным дыханием, без грибов или ягод, голодный и злой. Но все же с благодарным возгласом: «Цивилизация. Спасибо, что отпустил...»

Самое необычное, что, не задумываясь, ты произносишь эти слова, и предназначены они известной тебе особе, а именно лешему. А почему? Никто не может дать ответ, даже ты сам, просто ты делаешь это по наитию. А возьмем и представим, что существуют эти сказочные существа, так же шалют, злятся, капризничают, иногда помогают кому-то. И поведение у них, как и у людей, зависит от перепадов настроения. Почему бы и нет? В детстве мы верили в Деда Мороза, кикимор, Бабу-я-гу, леших, водяных, русалок, может, они по-прежнему и живут в лесу, в болотах, в горных речках, только, повзрослев, мы перестали их видеть. Но они-то, возможно, нас нет, и мы для них по-прежнему открытая книга, и тем, у кого в характере сохранилась хоть малая искорка детства, они своими шалостями позволяют вспомнить, может, от обиды, а может, дают на мгновение вернуться в детство, окунуться в ту забытую атмосферу радости, безопасности и таинственности.

Тайга большая, места хватит, кто желает остаться незамеченным, прятаться и жить. А может, лес, как и озера, пещеры, моря, горы, все то, что связано с природой, – это проходы в иные измерения, дух захватывает от осознания бесконечности. И сказочные создания в них

живут, иногда выходя к нам на экскурсии. Возможно, так и есть, как поговаривают в народе, чем нечистая не шутит, а Бог все расставит по местам.

Тайга, сочетающая в себе неприступность, мужество и вдохновение. Непроходимые болота, дно которых скрывается в самом центре земли. Заоблачные горные кручи, окольцованные снежными вершинами. Выстроенные сопки, напоминающие братьев-близнецов, среди которых так легко заблудиться. Прозрачные, дышащие ледяной свежестью, как стекло, горные речушки и ручьи. И исчезающий на горизонте бескрайний зеленый океан хвойных исполинов и высокорослых берез. Тайга – сколько безграничного обаяния и откровенной непосредственности заложено в столь созвучном слове, одновременно по-детски наивной и в то же время – по-мужски суровой. Одни ее обходят стороной, другие же влюбляются и уже не могут без нее жить. Зеленоглазая тайга – отдушина для уставшего от цивилизации брэнного тела. Укрытие от суеты. Мать и кормилица. Тайга – таинственный мир, скрывающийся за убаюкивающим шепотом листвы и ласкающими прикосновениями травы, залившимся пением лесных птиц и пронзительным стрекотом насекомых. В осторожном шорохе ступающих звериных лап и резком хлопанье крыльев взлетающих птиц. Журчанье бегущей по камням чистой родниковой воды и всплески выпрыгивающей речной рыбы. И лишь те, кто сольется с природой душой и телом, обретет нечто бесценное – себя.

Человек осознает, что нет милее сердцу сотканного, словно по волшебству, сказочного места, что это и есть все, о чем он мечтал. Он поймет, в природе все взаимосвязано, что, истребив один неуютный вид, нарушает баланс. Плохих и хороших животных не бывает. Природа – это совокупность животного и растительного мира, замкнутый круг. Каждый своей смертью дает продолжение жизни другому обитателю леса. Ведь тайга – это не только стада благородных стройных ланей, робко пасущиеся на заболоченных полянах, едва прогреваемых весенними лучами солнца. А также осторожные могучие лоси, гордые головы которых венчают царственные короны. Это не только застывшие серые силуэты волков, тоскливо выводящих свою лунную песню. И на первый взгляд неуклюжие бурые медведи, неторопливо расхаживающие среди ломающихся от налитой ягоды кустов черники. Тайга – это и заботливо сооруженные из хвойных иголок и засохших веток трудолюбивыми муравьями нерукотворные замки. А также их покрытый тайной внутренний уклад, чем-то отдаленно напоминающий человеческий. Жгучие болезненные укусы лесных комаров и назойливая песня вьющихся тучей маленьких кровососущих мошек. Одурманивающая разум легкая свежесть и опьяняющий аромат воздуха, от глотка которого кругом идет голова. Тайга – это и труднопроходимые буреломы, напоминающие собой крещеное боевое поле, где грозной ратью выстроились дозором мохнатые пихты, смыкаясь с могучими бывалыми ветеранами – кедрами. Тайга – это и залитые подобно горьким слезам поблескивающими каплями смолы сосны, мирно укачивающие в своих незыблемых кронах расшалившийся ветерок. Кудрявые рябины, сверкающие в предрассветной дымке гроздьями алых ягод. И стройные ивы, чьи ветви ласково касаются бурных вод кристально чистых горных рек, в глубинных омутах которых лениво плещутся радужные хариусы и целеустремленно движутся против течения мощные хищники – серые ленки.

Тайга – это государство в государстве, со своими сводами законов и правил, и лишь человек не вписывается в ее равномерную жизнь. Он потерял связь с природой, разрушил идиллию, он только берет, не давая ничего взамен. И нет предела его аппетиту. Он потерял меру, ему всего мало. Сам некогда вышедший из лона природы, теперь эгоистично считает, что он вправе распоряжаться всем. Ведь он Творение Бога, высший разум, а животные и растения – так себе, нечто второстепенное, без души, а значит, с ними можно поступать, как ему заблагорассудится. Убивать, травить, загонять. Вот только он глубоко заблуждается. Им, как и нам, известны боль и страдания, даже в маленькой песчинке живет своя лесная душа, которая испытывает муки смерти.

И до тех пор, пока гремят уничтожающие выстрелы с лазов, рыболовными сетями перекрываются поймы рек в сезон идущей на нерест рыбы, изошренными силками и петлями обложены звериные тропы на водопой, не будет на земле покоя ни беззащитным животным, ни истинным любителям природы. Ведь браконьеры не ведают жалости. Их кумир – нажива. Смысл жизни – алчность. Они смотрят на мир сквозь прицельную планку вороного ствола, хищно разыскивая дорогую добычу, для обладания которой они ни перед чем не остановятся. Животные для них лишь товар, обусловленный ценой, вожденная цель, способ обогащения. И не приведи Господь вам оказаться на их пути – незамедлительно последует короткая расправа. Где нет совести, нет и сострадания. Они не задумываясь выстрелят вам в спину, и рука у них не дрогнет. Да, закон тайги суров – выживают «сильнейшие»: самые приспособленные, быстрые, находчивые. Но ни в коем случае не звери в человеческом облики, для которых нет ничего святого. Однако что посеешь, то и пожнешь. И животные, защищаясь, платят тем же, отвечая за смерть детей беспощадной местью.

Вот только за поступки отдельных негодяев приходится расплачиваться нам с вами, чья вина лишь в том, что мы с нелюдями состоим в некоем видовом родстве. И если мы не остановим творящееся беззаконие, наши дети в будущем будут знакомиться с животным миром по документальным фильмам или по иллюстрациям в книгах, где под каждой картинкой будет выведено красными буквами: вымерший, исчезнувший с лица земли вид.

Медведица

Сквозь плотную стену кустарника за стоящим на коленях человеком злобно следили горящие лютой ненавистью глаза, отражаясь в мерцающих отблесках костра янтарно-рубиновым пламенем разъедающей душу необузданной ярости. Мужчина что-то пробурчал и резко поднялся, неожиданно направляясь в ее сторону, но, не дойдя метров десять, остановился возле дерева и, срезав прямую ветку, вернулся к костру. Медведица нервно дернулась и нервно оскалилась, обнажая ряды крепко сжатых клыков. Мех на загривке встал дыбом, она припала на задние лапы, готовясь к прыжку. Но опасность отступила. Нервно подрагивая верхней губой и вслушиваясь в удаляющиеся шаги, она настороженно повела носом по ветру, улавливая горький удушающий дым и отталкивающий терпкий запах человеческого тела. Раньше она не обращала на него внимания, старательно избегая людей, но сегодня все изменилось. Теперь она сама искала с ними встречи, для нее присутствие человека обозначало свершение мести. И вновь перед взором в мельчайших подробностях всплыла горестная картина; залитая кровью поляна и неподвижный бурый комочек. Прошлое накатило новыми острыми спазмами невыносимой сердечной боли. А во всем виноваты люди. Люди... Ненавистные двуногие существа. Немощные, как червяки, но коварные и изворотливые, как россомахи. Это они безжалостно убили ее пятимесячного малыша... Ее сына. Отобрали. Лишили жизни. На короткое мгновение горящий лютой ненавистью взгляд потеплел, она, словно наяву, увидела, как он трется об ее ногу. Радостно сопит, прижимаясь к материнской груди. Но тут же боль вернулась вновь, заставляя застонать от тоски в осознании страшной истины. Этому не суждено больше сбыться. Ее малыш мертв и тихо покоится под грудой опавшей листвы. Его неподвижные глаза устремлены на нее, в них мука и немой укор. Не уберегла.

Не защитила. Медведица отчаянно замотала головой, прогоняя болезненное наваждение, и, когда подняла голову, в ее немигающих глазах отражалась лишь дикая ярость. Издав глухой рык, она стремительно ринулась вперед. Она не видела ничего вокруг, сконцентрировавшись лишь на намеченной цели, словно именно этот человек отвечал за гибель ее медвежонка. Она даже не заметила, как преодолела расстояние, разделяющее ее с убийцей, ей показалось, что вот она один раз моргнула – и он уже оказался перед ней. Рыбак даже не успел обернуться и понять, что за его спиной. Как призрак, материализовалась смерть. За молниеносным взмахом лапы последовал сметающий удар, раздался пронзительный хруст шейных позвонков, и человек, подобно тряпичной кукле, как подкошенный рухнул на землю, неподвижно лицом уткнувшись в траву. Но ярость требовала выхода. Терзающая сердце боль – возмездия. И она принялась неистово терзать бьющегося в агонии человека. Острые когти раздирали плоть, оставляя глубокие кровоточащие раны, клыки с легкостью дробили кости, вырывая сухожилия. Она одержимо катала человека по траве, переворачивая лапами, рвала и кусала. И успокоилась лишь тогда, когда человек перестал подавать какие-либо признаки жизни. Пристально всматриваясь в бледное залитое кровью лицо и настороженно обнюхивая неподвижное бездыханное тело, убедилась, что враг не притворяется. Он был мертв, а значит, месть свершилась и очередной противник повержен. Она раздражено заворчала, оскаливая окровавленные клыки, и неспешно направилась вглубь кедрача, настороженно оглядываясь назад. Она одержала победу, но почему-то это не принесло успокоения, так, лишь кратковременное облегчение. Минутное забытие и азарт поединка. Но вот все закончилось, и воспоминания об утрате вернулись вновь. А вместе с ними и острая душевная боль. И тогда она решила; пока бьется в груди сердце, она не отступит от мести и сполна оплатит людям за причиненные страдания.

Вступление

Жалобно заскрипела открываемая калитка и завалилась вперед, едва удерживаемая ржавыми петлями. Старик заботливо придержал ее и осторожно прислонил к покосившемуся забору. С трудом перебирая одревеневшими от ревматизма ногами, добрался до скамейки, которая состояла из одной сгнившей доски. Досадливо покачал головой и устало присел на краешек.

– Ну и дела, – тяжело вздохнул он, доставая из кармана потрепанной куртки пачку папирос. – Разруха полная.

Как и все вокруг. Глубокий вечер, а дым из труб поднимался не во всех домах. Вспомнить лет тридцать назад, такого не увидеть. Люди радостно топили печи, готовя ужин и на ночь отапливая дом. В комнатах слышался детский смех и веселые голоса взрослых. В этих голосах была радость. Уверенность в завтрашнем дне. Воздух наполнялся смоляным ароматом горящих в топках дров, через трубу пуская фейерверки пылающих искр. А сегодня...

Он прикурил от спички и глубоко затянулся. Подавленно поднял обветренное лицо и слеповато прищурился. Сегодня на него хищно уставились зевы пустых окон. Словно дома проглотили своих хозяев, но вместе с ними погибли и сами. Разбитые стекла, снятые двери и оконные рамы, захламленные серые комнаты, закопченные стены. Он даже не смог вспомнить, когда в последний раз в поселке устраивался праздник. Вернее, помнил, что это было давно. Очень давно. Когда мир казался простым, а люди – добрыми. Еще те в застойные времена.

– «Застойные времена». – Старик досадливо хмыкнул. – Как обозвали. А сейчас, выходит, у нас в стране мир и благодать. Значит, когда все строится и работает – это застой, а когда заводы закрываются, пенсия и зарплата месяцами не выплачивается, то это – прогресс. Как демократия все исказила. Подменила понятия: «что такое хорошо и что такое плохо». На самом же деле все просто, у власти стоят враги народа, которые грабят страну. Набивают себе карманы. Пляшут под чужую дудочку – американскую. – И досадливо сплюнул. – Сталина на них не хватает, вот бы он быстро навел в стране порядок.

Его ничто не могло переубедить в том, что считать СССР эпохой «застойных времен» намеренно выдумали демократы, чтобы оправдать разорение страны и скрыть свою причастность к воровству. Как бы они ни старались. У него не было ни капли сомнения в том, что именно сейчас наступили пресловутые «застойные времена», а раньше наоборот – жизнь кипела. Губы непроизвольно растянулись в улыбке, и, окунаясь в воспоминания, лицо старика разгладилось, посветлело. Потухший взгляд вновь наполнился блеском молодости, и в серых глазах заплясали озорные огоньки счастья и безмятежности. Он словно переместился в прошлое и увидел свой дом в завершении стройки. Хоть сейчас заходи и живи, но осталось исправить некоторые изъяны. Расправив плечи и набрав полную грудь воздуха, он машинально потер сухие ладони – руки, казалось, налились былой силой и помнили каждый вбитый гвоздик, каждую насечку, нанесенную топором и рубанком. Летела радостно щепка, пахло краской и свежим срубленным деревом. Работа спорилась, и звенело счастье. Петр, Мишка, Серега, Володя. Помогают возводить дом, шутками и прибаутками отгоняя усталость. Былые друзья. Теперь смотрят на него лишь с фотографий на надгробьях. Ушли все, по горькой тропе скрываясь в сумрачном тумане небытия. Остались лишь тени, и только в его сердце и воспоминаниях они сохранили свой прежний земной облик. Живые. Никто не отлынивал от работы, помогал, чем мог. И никогда не отказывал. Как молоды мы были, как не боялись трудностей. Прошлое, как глоток чистого воздуха, дуновение свежего ветерка. Успокоит и приласкает, нежно избавляя от тяжести годов, нищеты и безнадежности. Унесет печали и смочит боль.

Из глаз старика потекли слезы, но он словно не замечал их, неподвижно созерцая даль прошедших дней.

Крепкие кедровые стены, резные свежеекрашенные ставни, ухоженный садик, в котором жена каждую весну высаживала цветы. Ватаги детей, идущих в школу, к которым присоединялись его сын и дочь. Любимая работа в лесничестве. Он старший лесничий, начальник, который никогда не пользовался своим положением. И прежние друзья все его подчиненные. Вместе на работе, вместе и на отдыхе. А потом...

Влажные подслеповатые глаза старика застелили боль и тоска.

Наступила тьма. И он, как наяву, словно вернулся в прошлое. Года обернулись секундой. Мгновением. Глухим стоном. Они с женой, обсуждая его рабочий день, садятся на диван и включают телевизор, чтобы посмотреть экстренный выпуск новостей. Он заботливо накрывает ее пледом и рассеянно оборачивается... Вслушиваясь в речь диктора. Как громом поразили слова о конфликте между президентом и его окружением. В кадрах проносятся толпы разгневанных людей, застывшие танки, напряженные лица солдат и крупным планом почерневший от копоти «Белый Дом». Тогда он еще не догадывался, что все происходящее – лишь начало кровавого шоу. Что на СССР опустился молот, раскалывающий сплоченное сильное государство на самостоятельные республики, и уже жадные ручонки иностранных дельцов потянулись к обломкам великой империи, в предвкушении сорвать крупный куш. А они, наивные, обычные труженики, с тревогой переживали за судьбу Родины. Дни напряжения. Полные слухов и домыслов. На работе они спорили до хрипоты. Молодежь встала на сторону нового правительства, принимая на веру красочные речи о неперенном приходе золотого века. А продавшиеся политики и рады стараться, заливаясь соловьем, чтобы умаслить дорожку к сердцу народа; призрачной свободой, дешевыми ваучерами и американской жвачкой. Старики же, наученные горьким опытом, ничего не хотели менять, утверждая, что западные новшества до хорошего не доведут. Убеждали, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке. Как они были правы. А дальше больше... Кукловоды вошли в раж. Людям объяснили, что жили они неправильно. Недостойно. Что коммунизм – это тот же фашизм, только красного цвета. Оказывается, народу необходима свобода. Демократия. И только в ней они заживут богато и счастливо. И перестройка загрохотала по стране коваными сапогами, калеча человеческие судьбы, ожесточая сердца и дела черствыми души. Незаметно тесня людей в удушливый загон. Оставляя после себя заброшенные деревни, обнищавшие села, обворованные государственные предприятия и пустые кошельки.

Дед горько усмехнулся, выпуская клубы дыма. И вновь глубоко затянулся. Мысли вились потревоженным роем. За столько лет он так и не нашел однозначного ответа на главный вопрос: кто должен понести наказание за весь этот учиненный бардак. И вновь тяжело вздохнул, отрезанно махнув рукой.

«Бог сам разберется, кто повинен в тысячах загубленных душ... Выявит и накажет негодяя. Мое дело маленькое». Но вера в справедливое наказание не приносила должного облегчения. Он безвольно опустил ставшую в одно мгновение пудовой голову и погрузился в себя, не в состоянии унять сжимающую тисками душу боль.

Горько одно, что и их маленький уютный мир постигла та же участь. Беда не прошла стороной. Некогда густонаселенный поселок сегодня вымирал. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки от ощущения безысходности. Он прекрасно понимал, что обманывает себя, пряча за словами «все еще образуется» страшную действительность. Ключевка не вымирает. Правда ужаснее. Она уже умерла. Оставаясь лишь названием населенного пункта, отмеченным на карте России неодоушевленной точкой. Населенным пунктом без жителей. Пристанischem покинутых домов и завалившихся заборов. Очередной призрачной станцией в железнодорожном атласе России, с пустым перроном. И как бы ты ни переживал и ни силился повернуть время вспять, прошлого не вернуть. Нельзя вдохнуть жизнь в мертвое разложившееся тело. Но даже если бы и смог, вряд ли это стоило делать. Возможно, что своими стараниями ты воскресил бы нового Франкенштейна, участь которого окажется более плачевной. На все воля Божья. «Чему

суждено быть, того не миновать». Нужно принять страшную действительность. Ты находишься в окружении пугающей реальности, и нет способа вырваться на свободу. И твой голос не имеет никого значения. Все посты в мире давно распределены. И должность «спасителя мира» уже забронирована теми, кто этот мир разрушил.

«Можно со многим смириться, но только не с откровенной несправедливостью», – грустно произнес он. Устало склонился и, пряча лицо в ладонях, непослушными пальцами взъерошил густые седые волосы. Люди стали чересчур черствыми и агрессивными, не чета нашему поколению. Глотки друг другу готовы перегрызть. И зависти – вагон и маленькая тележка. В лицо тебе улыбаются, а проходишь, плюют в спину. Но самое страшное, что гибель человека сегодня измеряется сухими цифрами. Сегодня в автомобильной аварии погибли двадцать человек, трое из которых дети дошкольного возраста. Вчера взрыв бытового газа в жилом доме унес жизни ста человек. Позавчера затонуло судно, еще сотня погибших. И вот выводят чернила бездушную статистику; недельную, месячную, годовую... Убыло «столько». Но в прошлом году на данное число показатель был лучше – меньше. Лучший показатель для кого? Для родных? Друзей? Близких умершего? Наверяд ли. Лучший – лишь для отчетности. Не больше. Что будет завтра, мы еще не знаем точно, но что-то непременно случится и кто-то обязательно умрет, в этом не стоит сомневаться. Сотни тысяч раскладываются по гробам, а весь их жизненный путь, уклад и быт отображаются обезличенными бирками. Сотни тысяч, но мало кого мы знаем поименно, а еще меньше пофамильно. И можно было бы списать все смерти на стечение обстоятельств или на злую волю рока, если бы на большинстве трагедий не был отмечен след алкоголя. Безрассудный смертоносный бес, сотни лет заточенный в водочной бутылке, вырвался на свободу. Пришло его время... Время смуты и отчаяния. И пустился он в безумный пляс. Круша надежды, растапывая волю, размазывая совесть и стыд. Уничтожая то, что раньше представлял собой человек как личность, являя на свет божий беснующееся чудовище.

– И до нас докатилось его порочное влияние, – обреченно выдавил старик, растерянно вслушиваясь в тоскливый вой соседского пса.

Из восьми тысяч клюевчан осталось меньше тысячи. И то почти все старики. Молодежь, что не успела сбежать в города, спилась, топя печаль на дне бутылки. Синий спрут крепко держал потерянные души и, впрыскивая дозами яд в затуманенный спиртом мозг, создавал иллюзию всеобщего благополучия. А наутро приходило похмелье. Резкое и болезненное. И осознание того, что мир далеко не «розовый», даже не полосато черно-белый, а однотонно серый. Власть в котором принадлежит сумрачному кардиналу по имени безнадежность. Правит он железной рукой, жестоко пересекая любые попытки вырваться из синего плена. Растворяя остатки разума человека в тоннах дешевого суррогатного спирта.

Недобросовестные предприниматели. Бандиты. Милиция. Чиновники всех мастей и рангов. Как клещи присосались к сверхприбыльной «кормушке», силой не оторвать. Да, не осталось в государстве такой силы, способной следить за порядком. Всех «неблагонадежных», идущих вразрез с указами олигархической верхушки, честных и порядочных начальников милиции и руководителей предприятий отправили на пенсию, замещая послушными пешками. И расцвела коррупция. Только успевай снимать «сливки». Доллары, марки, фунты потекли рекой, оседая в карманах вороватых дельцов. Теневые воротилы повылазили из своих нор, принимаясь выстраивать свой миропорядок под девизом «ты – мне, я – тебе». Статью о спекуляции изъяли из Уголовного кодекса. Не стало в России спекуляции, а появились свободные рыночные отношения. Волне легальные демократические отношения между продавцом и покупателем. И уже никого не волновало, что товар не создан собственными руками, а просто перепродан втридорога. Из обихода ушли талоны на спиртное, а вместе с ними пропала с полок магазинов и сама водка. Набирал обороты пресловутый «сухой закон». Государство сломя голову бросилось на борьбу с пьянством, выкорчевывая виноградники и закрывая винно-водочные заводы, лишая народ качественного алкоголя. А тем временем сотни цистерн

технического спирта «Роял» made in Китай заполонили железнодорожные тупики Забайкалья. Дельцы развернули бойкую торговлю в деревнях и селах настоящим ядом. Возбужденно потирая вспотевшие ладони от «навара», впадали в алчный транс. Обогащая конторы ритуальных услуг, которыми порой и сами же владели. Вот тебе и рыночные отношения, двойная прибыль налицо, убил и тут же похоронил. Доходный оказался бизнес на крови. Люди гибли, как мухи, десятками в день. За год поселковое кладбище разрослось до необъятных величин, представляя собой ужасное скорбное зрелище. Что ни свежая могила, то мужик или баба моложе сорока. И ни одного возбужденного дела, ни одного обвинительного приговора. Все знали виновных в преступлениях, но никого не сажали. Да и разве можно кого-то посадить, если делами заправляли люди из власти. Все были в доле: прокуроры, районные начальники милиции, следователи и начальники местных отделов. Поэтому все знали и молчали. А что еще оставалось делать? Хоть в Москву пиши, а результат останется нулевой. Если не хуже и тебя самого не упекут за решетку за «клевету» или не сфабрикует более тяжелую статью. А могли и просто убить, натравив на тебя уголовников. В те далекие смутные 90-е даже казалось, что все творимые бесчинства проходили при молчаливом согласии вышестоящего руководства из столицы. Страной управляли олигархи, и их устраивал вечно пьяный народ: меньше требует, довольствуется крохами, не мешает обогащаться, «пилить» бюджет. А если кто-то умрет, еще лучше, меньше станет недовольных социальной несправедливостью.

«Вспомнишь прошлое, так вздрогнешь. Как все это противно, – горько вздохнул старик, – низко и подло. Фашистов одолели, голод победили, отстроили заново города. Со временем стало казаться, что жизнь наладилась. А оказывается, в стране притаился внутренний враг, ожидающий своего часа, чтобы разрушить все начинания. И последствия его нападения оказались катастрофичнее, чем принесли все вместе взятые предыдущие войны. За что наши отцы и деды гибли на фронтах Великой Отечественной войны, очищая землю от «коричневой нечисти»? Ну уж точно не за то, чтобы их дети легли в могилу от паленой водки, бандитского и милицейского беспредела, чиновничьего равнодушия. Вряд ли за то, чтобы потомки выставляли их ордена и медали на продажу, возвеличивали предателей и карателей, а настоящих героев считали оккупантами, с остервенелой ненавистью разрушая их памятники. Презирая советскую символику, вскидывали руки в нацистском приветствии, расписывая тела фашистскими символами и свастикой. Что заставляет их предать память отцов и следовать доктринам фашистской идеологии? Ведь большинство ребят не потомки изменников Родины, а обычные российские подростки. У многих в семьях хранятся фотографии улыбающихся солдат и офицеров, а рядом заплаканная похоронка. И умер прадед не от старости, а от пуль фашистов. Убит теми, кому сегодня они фанатично подражают».

Если бы предки могли видеть это, в гробу перевернулись бы, сгорая от стыда за сумасбродные поступки нерадивых детей.

«Раньше было лучше, чем сейчас». Все это лишь отговорки. Когда раньше? В войну? В голод? В разруху? Всегда было трудно. Вот только в прошлом не было такого повального падения нравов. Не пестовали ложных кумиров. Могли понять простую истину: если «за нас» – друг, «против» – враг.

Молодежь, сгинувшая в смутной эпохе перемен. Вас не вернуть, но, оставляя своих детей сиротами, вы невольно подтолкнули их на край пропасти. Бредящие мнимой свободой, они перепутали сакральный смысл самовыражения со вседозволенностью и распущенностью. Поколение семидесятых, не сумевшее адаптироваться к новым реалиям, ушло в никуда, разбившись о глухую стену девяностых. Ключевская молодежь, «вырвавшаяся из топи застоя», как величали демократы СССР, неожиданно обнаружила, что никуда она не выбралась, а лишь глубже погрузилась в пучину безнадежности. Оказывается, окружающее их болото – без конца и без края, а радужный берег – это лишь навеянный фантом, маскирующий бездонную трясиину. На унылых лицах поблекли глаза. Способность радоваться жизни рассеялась дымкой, оставляя

едва уловимый след в детских мечтах. А ее место заняла черная беспробудная тоска. Работы нет. Некогда гремевший на весь Советский Союз леспромхоз закрыт и разворован. Рабочие уволены и бесцельно слоняются по улицам. Процвешают лишь продавцы технического спирта. Молодые здоровые парни и девушки через год разгульной жизни превратились в отекиших безвольных «бичей» с единственной целью разыскать средства на очередную бутылку. Последнее из дома уносили, что имело ценность, вплоть до инструментов и оконных рам, не задумываясь, как станут зимовать, чем копать огород. Но охота была пуще неволи. Они со многим смирились: с нищетой, голодом, а самое главное, с ежедневным употреблением алкоголя.

Потеряв себя, люди потеряли смысл жизни.

Больно и горько. Больно – вспоминать прошлое, горько – жить в настоящем. В сером унылом настоящем, в котором не осталось места просвету, радости, надежде, где заживо похоронены мечты.

Старик обвел печальным взглядом соседские дома и тяжело вздохнул. Некогда цветущая улица теперь представляла собой жалкое зрелище. Вокруг заросшие травой и бурьяном бывшие тропинки, ведущие к калиткам. Из памяти всплывали яркие образы их местонахождения. Широкие и узкие, выложенные байкальской галькой или досками. Но каждая зримая дорожка как бы намекала: она живая, по ней ходит человек и ежедневно оставляет свой незыблемый след. Вот хозяин радостный вернулся, что-то напевая себе под нос. Он не идет, а словно летит, не касаясь подошвами земли. Позабыв о текущих делах, уже мысленно в другом измерении. На празднике. Сосед пригласил на именины, и человек достает из шифоньера на все случаи жизни бывший свадебный костюм и лакированные туфли. Отпечатки черных туфель – редки, их за год можно пересчитать по пальцам. Но и они оставляют свой яркий отчетливый след. Это след радости и веселья. Быстро растворяющиеся секунды мимолетного счастья в однотонной серой массе будничности. Уникальное запоминающееся событие. Жаль, что праздник длится не вечно. Завтра ему взгрустнется, и он пойдет не спеша, погруженный в раздумья. Жизнь продолжается, она не стоит на месте. Все по графику. В будни – ранним утром торопится на работу и так же вечером почти бегом возвращается назад, чтобы успеть до темноты сходить в тайгу за грибами или за ягодой. В выходные, обувши болотные сапоги, идет на рыбалку или с друзьями на Байкал выпить. Иногда совмещая столь желанные события. В дождливую осеннюю погоду месит грязь кирзовыми сапогами, зимой – валенками. Каждая обувь отмечена клеймом погоды. А очищенная дорожка – метлой или лопатой. Женские, детские, мужские отпечатки. Знакомые и чужие. Если их много, значит, семья большая и гостеприимная. Если следы одинокие, значит, хозяин нелюдимый и предпочитает уединение. Но и он не всегда сидит взаперти и изредка покидает свою берлогу.

Кому теперь нужны эти бестелесные призраки людей, сгинувших во времени? Кого интересуют их жизненная позиция, уклад, роль в обществе, политкорректность? Чему научит? Да и оставили ли они свой незабываемый след в истории, который станет примером потомкам? Или пришли и наследили, просто натаскали грязи и пыли, после чего потребовалась тщательная генеральная уборка, после которой не останется даже упоминания об их существовании. Вырытая на скорую руку яма, прощальные слова, произнесенные второпях, и безымянная могила. Ни тебе оградки, ни памятника. Через год обвалится земля, рухнет деревянный крест, на взрытой земле вырастет трава, и ничто не будет напоминать о человеческом захоронении.

«Суета сует. – Старик стряхнул пепел и вновь глубоко затянулся. – Все куда-то спешим, торопимся, воодушевленно строим грандиозные планы на будущее. Но стоит оглянуться назад, и оказывается, что спешить-то и некуда. Как ни стремились к горизонту, а все равно к нему ни на шаг не приблизились. Все наши достигнутые цели лишь видимость успеха, не более чем обычная мышьяная возня».

Обессилено облокотившись спиной на забор, он устало прикрыл слезящиеся глаза и вновь погрузился в воспоминания. Сколько минуло годков, а события прошлых лет он отчет-

ливо помнил в деталях, словно это было вчера. Как напротив с Семеном и Варей сидели на завалинке и обмывали новенький телевизор. Как у соседей через дом гуляли на свадьбе сына, а через год и дочери. А теперь родовой дом после их смерти детьми выставлен на продажу. Но время бежит, а новоселы все не заселяются. Объявление на фанере выгорело, краска потрескалась, номер телефона можно разобрать лишь вблизи. Но оно по-прежнему сиротливо висит на стене, с надеждой провожая взглядом мимо проходящих редких прохожих, часто вместе с дождем плача от безысходности и одиночества. Снедаемое обидой на людей, которые выросли в этом доме, но так за несколько лет и не соизволили посетить родные пенаты.

– Время беспощадно, – изрек старик вслух и приоткрыл глаза, – что к людям, что к домам. Как бы ты ни латал дом, а новым он не станет. Так и с человеком, сколько бы ни лечился и ни прихорашивался, а не помолодеет. Да и кому нужна эта перекосившаяся, без окон и дверей, халупа со щелями в палец толщиной между бревнами и шиферной крышей, напоминающей крупное решето. От дождя не спасет и от ветра не укроет. Стоящий рядом обвешавший сарай с черными от плесени досками, который пригодился бы разве что на дрова. Заваленный забор, похожий на щербатый рот беззубого старика, еще местами сохраняя выгоревшие и потрескавшиеся цвета былой краски. Вот и получается, что цену имеет лишь участок, а остальное – лишь бесплатное дополнение. А пишут в объявлении «продается дом», который дешевле будет снести, чем отремонтировать. А вокруг... Видимый покой, чем-то напоминающий атмосферу кладбища. Умиротворение души, в которой суета ушла на задний план. В реальности – безжизненное запустение. Настоящий могильник цивилизации. Пожухлая трава по пояс. Кривобокие лавочки. И уползающий вдаль атрофированной змеей, изувеченный колдобинами и ямами дорожный асфальт, словно случайно сохранившийся после массивированной бомбардировки. И куда там, сбежав от городской суеты, радоваться спокойствию и одиночеству.

Апокалиптический вид поселка лишь больше нагонял тоску и уныние.

Калитка резко ударила об забор, захваченная врасплох порывом налетевшего ветра, перекосилась и грузно осела, нижним углом упираясь в землю. Старик тяжело вздохнул и беспомощно покачал головой. Сделал бы он ее, будь она неладна; руки, слава Богу, еще могли удержать молоток, и мимо гвоздя не промахнулся бы. Но не в руках было дело. Стройматериал требуется. Петли нужны новые, а главное, заменить столбы, которые со временем превратились в труху. Вот только как купить необходимое, в этом и заключалась острая проблема. Не хватало свободных средств. Живя на одну пенсию, особо не разгуляешься. Невольно приходится выбирать: оставить все как есть, но быть сытым, или обзавестись пиломатериалом, но остаться голодным. В его возрасте выбор очевиден. Он улыбнулся, но улыбка вышла печальной. В войну, когда был маленьким, он натерпелся голода с лихвой и сегодня не желал испытать это чувство вновь. Пенсионер – это человек, живущий за чертой бедности. Если ты не депутат, конечно, или подпольный миллионер. Пенсия – это тревожный звоночек для «гражданина», что время его вышло, государство «выдворяет» тебя на заслуженный отдых, говоря простым языком, избавляется, выбрасывая на задворки общества. Торжественно вручив напоследок «заслуженную ежемесячную выплату» в размере минимального прожиточного уровня. Живи в свое удовольствие. Только удовольствие твое укладывается в сумму мелочи, до рубля даже не дотягивает. Это за рубежом пенсионеры наслаждаются жизнью, путешествуют, отдыхают на морях, а у нас просто выживают, перебиваясь с хлеба на воду. Но он не жалуется на свою судьбу, она где-то трагична, но в основе счастливая, просто обидно, что государство так низко оценило твой многолетний труд, здоровье, которое ты угробил на процветание страны. Сегодня ты «не совсем нищий», как ни парадоксально это и звучит. «Не совсем», потому что есть дом и краюха хлеба, так что стоит своей бедностью гордиться. А как раздражают громкие заявления политиков, что пенсию повысили на три процента. Курам на смех. Ну, прибавили к трем рублям три копейки, что от этого – жить стало лучше? Сколько необходимо откладывать копеек, чтобы появился полноценный рубль? Годы. А продукты стоят за сотню, так что копейка

в нынешнее время самая бесполезная монета. Да, он на пенсии. Давно на пенсии. С тех самых пор, как закрылось лесничество. Следом развалился Союз, а на его месте образовался СНГ, но и он недолго просуществовал. Делиться ворованным никому не хотелось, да и лучше быть царем собственного государства, чем хоть и знатным, но вассалом у богатого господина. Так и осталась Россия в горьком одиночестве, представляя собой заманчивый «сладкий пирог». Какой масштаб для обогащения. Тут местная элита и развернулась. Принялась за разворовывание народного хозяйства. Аппетит у нее рос, а мест, где можно «срубить» прибыль, становилось все меньше. Оказалось, не такая уж большая страна и не такие уж нескончаемые ее богатства. И тут жадные взоры устремились на народ. «С беспородной собаки хоть шерсти клок». Ничего личного – это лишь бизнес. И пошло-поехало. Замысел с приватизацией прошел как по нотам, без сучка без задоринки. Отобрали у людей все до копейки, оставляя без штанов, но зато с ваучером. Намекнув, что теперь обладатель «бесценной бумажки» является чуть ли не владельцем предприятия, на котором работает. Заверяя, что тот как акционер вправе решать любые задачи своего производства. Даже работать не надо, живи на проценты. Сиди перед телевизором на диване и получай свои дивиденды. Тут народ окрылился, вот только не догадываясь, что крылья призрачные. На них не взлететь. Лиха беда начало. Полгода без зарплаты, и ваучеры уходят за бесценок в руки тем, кто и устроил весь этот безденежный коллапс. Высшему руководству. Народ попробовал возмутиться, но его быстро усмирили, наглядно продемонстрировав недовольным, как в паре с «черемухой» и резиновой дубинкой профессионально взаимодействует полицейский произвол. А если до кого в первый раз не дошло, в меру упрямого поиска справедливости, подключалась судебная система, штампуя пятнадцатисуточные приговоры. Девиз «Россия для богатых» процветал. «Богожителю» ни в чем себе не отказывали. Респектабельные особняки. Роскошные яхты. Фешенебельные квартиры. Эксклюзивные автомобили. Платиновые цепи. Бриллиантовые ожерелья. Соболиные шубы. Алчная элита сбилась в хищную стаю, одержимая жаждой наживы. И принялась «править», плюя с высокой колокольни на незаконность своих криминальных сделок, приносящих ей миллионные прибыли. Попирая сам закон. Волки в человеческом облике словно взбеленились, стараясь перецеголять друг друга в роскоши и интригах, «великодушно» прививая «бывшим рабочим и колхозникам» прогрессивные западные ценности.

И для единиц под триумфальный вой фанфар снизошел век «золотого тельца», но сама страна погрузилась во мрак.

Демократическая Россия, где забыли отвести место простому народу. Место выделили, только далековато оно от благополучия. Как для собак, независимость, обозначенная размером вольера. А для верности и на цепь посадят. Чтобы и в мыслях сбежать не помышляла. Сидит собака на цепи, бестолково прожигая дни. Желание на свободу вырваться есть, а вот силенок не хватает. Цепь надежная – металлическая, кольца толстые – кованые. Ошейник не простой, а удавка с острыми шипами. Напрягаются звенья, но не рвутся. Побегает пес по кругу, подергает цепь, убедится в ее крепости, от безнадежности ляжет и смиренно прикроет глаза. А рядом – миска с помоями, чтобы пес не умер от голода, да кнут, если животное взбеленится и попытается кинуться на хозяина. Вот так и живет народ. Каждый сверчок знай свой версток.

«Что-то я сегодня чересчур разворчался, – насмешливо одернул себя старик, с наслаждением вытягивая ноги. – Видать, старею».

Он закинул голову, подставляя лицо теплему ночному ветерку, подслеповато рассматривая низкое звездное небо. Машинально взгляд застыл на большом ковше, затем переместился на малый. Рассеянно взирая на созвездия Большой и Малой Медведицы, почувствовал, как болезненно сжалось сердце, а из глаз потекли слезы. Нахлынувшие воспоминания о трагедии минувших лет отозвались душевной болью, мгновенно перенося его в прошлое.

Глава 1

Притаившаяся в глубине девственного леса пологая опушка, заросшая папоротником и кустами черники, казалась только что вышедшей из русской народной сказки: стоит лишь углубиться в чащу, как неожиданно наткнешься на покосившийся деревянный домик Бабы-яги на курьих ножках. О таких местах в народе говорят – тут леший ногу сломит, сплошной бурелом. В глубине тайги мало что напоминает о присутствии цивилизованного человека, так, лишь изредка доносящийся с неба гул реактивных двигателей да надсадный треск вращающихся винтов пролетающих вертолетов охотоведов, а остальное так и остается неизменным, как множество веков назад. Это вотчина хозяйки Природы со своими правилами и законами.

Влажная земля парила, вбирая в себя установившееся погодой тепло. Но даже вездесущие солнечные весенние лучи не могли пробиться сквозь плотную завесу столетних исполинов, чьи густые ветвистые кроны подпирали собой небесный свод. Там, укрываясь в сумеречных тенях, недоступные разрушительному воздействию солнца, лежали жалкие остатки уходящей зимы, серый талый снег. Но весна брала свое, солнце день ото дня припекало все сильнее и сильнее, и воздух пьянил дурманящим ароматом очнувшейся от зимней спячки бурной растительности. Тайга пробуждалась. По синему небу медленно плыли белоснежные стаи клубящихся облаков, лениво подгоняемые легким весенним ветерком, призрачной тенью отражаясь на бурной поверхности горной речки. Восторженно зашумел прилегающий к речке молодой ивняк. Расшалившийся ветерок накинулся на гибкие ветви, словно пытаясь заигрывать с вылупившимися из набухших почек крохотными зелеными листочками. В траве, чьи остроконечные ростки победоносно пробивались из нагретой почвы, воодушевлено

стрекотал кузнечик, радуясь приходу ранней весны. Ему в такт вторил пронзительный хор вездесущих мушек, облюбовавших распустившиеся яркие бутоны весенних цветов, испускающих благоухающий аромат. Вся прилегающая к речке низина напоминала стелющийся оранжевый ковер, сотканный из жарков – первых таежных цветов. Едва сходил снег, и жарки, обласканные солнечным теплом, выпрыгивали из земли, радостно распуская пышные бутоны. Лес упоительно звенел, избавляясь от зимней спячки, наполненный счастьем и жизнью.

Неожиданно беспечный гам прекратился и в воздухе застыло напряженное ожидание. Пронзительно заверещала сойка, встревоженная появлением матерого хищника, но тут же успокоилась, не обнаруживая в его присутствии ничего опасного для себя. Ей вторил надсадный голос таежного ворона. Как серая тень промелькнула полевка и укрылась в своей норе. Напуганные криком пернатого дозора, с земли вспорхнули пестрые рябчики и как гроздья раселись на соседних соснах, с недоумением крутя головами.

Со стороны густого кустарника, обступающего поляну подобно неприступной изгороди, послышался едва уловимый шорох и приглушенное фырканье. Громко хрустнула надломленная ветка, предупреждая о чем-то большом и грозном, кусты жимолости раздвинулись, и на поляну, настороженно озираясь, вышла матерая медведица. Она напоминала взведенную пружину, готовую немедленно действовать. Ее мышцы были напряжены и рельефными буграми выделялись под взъерошенной шкурой. Она подозрительно окинула прилегающую местность, принюхиваясь к едва уловимым запахам, повела стоящими торчком ушами, пытаясь чутким слухом определить притаившуюся опасность. Но, не обнаруживая угрозы, издала приглушенный рык. И, словно по команде, из высокой травы выкатился маленький бурый клубочек. Медвежонок нерасторопно наскочил на мать и неуклюже завалился на спину, забавно размахивая короткими толстыми лапами в безуспешной попытке подняться. Медведица легонько подтолкнула недотепу лапой, и тот, перекувыркнувшись через голову, нелепо растянулся на животе, растерянно озираясь вокруг. Но недоумение быстро прошло, медвежонок резво вскочил на лапы и засеменял за матерью, игриво кусая ее за шерсть на животе и путаясь под ногами. Мед-

ведица остановилась и, деловито обнюхивая коричневатый выющийся стебель с желтыми разводами на широких листьях, принялась копать. Вытащила спрятанный глубоко в земле твердый с шершавой кожурой клубень размером с картофелину, смахнула налипшую грязь и с довольным урчанием вонзила зубы в сочную мякоть. Растение было не что иное, как корень жизни – батат, которое заставит работать желудок, расстроенный после длительной зимней спячки. От удовольствия она уселась на нагретую землю, по-человечески вытягивая вперед задние лапы. Медвежонок крутился рядом, с любопытством заглядывая в рот матери, но медведица лишь ворчливо отворачивалась от настойчивых притязаний сына. Он был еще слишком мал, чтобы употреблять трудноперевариваемую пищу. Медвежонок обиженно засопел, довольный таким пренебрежительным отношением, но обида быстро улетучилась. И он играючи впился маленькими острыми зубками сидящей медведице в лапу, принимаясь азартно трепать захваченный клочок шерсти. Забавно рыча, он резво отскакивал от лапы и вновь нападал. Но это не могло продолжаться бесконечно. Хотя зубы и были малы, но все же доставляли неприятные ощущения, так как напоминали острые иглы. Медведица проворно схватила озорника и, прижимая к груди, заботливо вылизала остренькую мордочку малыша, который крутился, как волчок, и так и норовил ухватить ее за нос. Но мать лишь наигранно рычала, ловко уклоняясь от щелкающих зубов, крепко придерживая разыгравшего шалунишку могучей лапой. Несмотря на былые времена, он казался ей самым любимым, самым лучшим медвежонком на свете; так уже было в прошлом, так будет и в будущем, но только уже с новым ребенком. За безопасность своих детей она, не задумываясь, пожертвовала бы своей жизнью. За них она готова сразиться с любым противником, даже если шанс победить будет ничтожно мал, своя жизнь не имела значения, только бы малыш остался целым и невредимым. Прошлое. Настоящее. Будущее. Все перемешалось. Лишь чувство любви осталось неизменным. Когда-то она так же тщательно вылизывала пахнущие материнским молоком мягкие шкурки былых детей, которых сейчас уже и не помнила, как они выглядели. Теперь они далеко не дети, а настоящие взрослые медведи, способные сами за себя постоять. Но когда-то там, в далеком детстве, она так же заботливо оберегала их, надежно защищая от всех земных невзгод. Она передала свой опыт, благодаря которому они стали сильными охотниками, опытными следопытами, поэтому и остались в живых. Так будет и с ним, с маленьким несмышленишкой, который даже не догадывается, какие коварные ловушки расставила для него жизнь; те смертельные западни, из которых не всегда можно выйти победителем. Но она научит его избегать опасности, мужественно переносить невзгоды. Научит, как быть сильным, хитрым, выносливым. И он вырастет настоящим матерым зверем, готовым к любым неприятностям. Медведица легонько подтолкнула сына, и он, забавно размахивая лапами, прокатился на животе по траве, с разгона въехав носом в муравейник. Муравьи, принимая воинственную позу, встретили незваного гостя дружным залпом жгучего огня. Медвежонок, получая по глазам порцию едкой кислоты, плаксиво взвизгнул. И, отчаянно мотая головой, спотыкаясь, с жалобным воем бросился к матери, прячась у нее за спиной. Губы медведицы расплылись в добродушной улыбке, она обернулась и обняла притихшего сорванца, который, крепко прижимаясь, опасливо косился на смятый муравейник. Это маленькое приключение станет для него хорошим уроком, обучающим, что даже на первый взгляд вполне безобидная мелочь может за себя достойно постоять.

Но дети есть дети. Детская память скоротечна. Уже через минуту позабыв о былых неприятностях, медвежонок с живым интересом разглядывал огромную сосну. Его манила скрытая в густых ветвях великая тайна. Любопытство подстегнуло к действию. Он решительно высвободился из объятий матери и, с опаской обходя муравейник, зачарованно засеменял к интересующему дереву. Обхватив ствол лапами, он проворно взобрался до первых ветвей и с восторгом посмотрел на мать, которая с высоты показалась ему не крупнее муравья. Медведица обеспокоено заворчала, но медвежонок, не обращая внимания на встревоженный ропот, упрямо карабкался вверх, исчезая в кроне. И лишь когда мать нервно вскочила, испуская громкий

предостерегающий рык, с крайней неохотой попятился назад. Но только он коснулся лапами земли, как мать грозно сгребла его в охапку. И он немедленно был наказан за непослушание. Медведица назидательно отшлепала сорванца, «разъясняя», что не стоит вести себя безрассудно и расстраивать ее.

Внезапно она насторожилась, чутким обонянием улавливая терпкий запах приближающегося хищника. Застыв, она нервозно всматривалась в редкие проблески между веток кустарника, обнаружив возле ручья склонившуюся серую тень. Медведица глухо зарычала, обнажая крепкие клыки, брови ее хмуро сошлись на переносице. Шерсть на загривке встала дыбом. Пусть она и не видела прямой угрозы нападения, но решила не рисковать и как можно быстрее прогнать прочь серого разбойника, который с легкостью мог поживиться ее малышом. Она резко оттолкнула медвежонка, который, инстинктивно повинувшись, тихо притаился в траве, стараясь слиться с землей. И, бесшумно ступая, направилась к ложине, стараясь не терять врага из вида. Волк, не подозревая о надвигающейся опасности, неторопливо пил из ручья, низко склонив тяжелую голову, усеянную широкими белесыми шрамами; память о былых схватках за право обладать лучшими кусками добычи и ласками самок в большой безжалостной стае. Поединков было много, из них он всегда выходил победителем. Он мог гордиться своим опытом и силой, не единожды доказывая, что место вожака он занял не случайно. Но он прекрасно понимал, что ничто не вечно под луной; скоро он состарится, и на смену придет новый вожак, более ловкий и сильный, а ему останется лишь украдкой питаться жалкими остатками от богатого пиршества. Но это в будущем. Конечно, если еще раньше его не остановит пуля охотника. Но сегодня он пока еще вожак стаи и любому зарвавшемуся юному выскочке сумеет доказать это, отстаивая свое лидерство в поединке. Он с наслаждением лакал чистую прохладную воду, утоляя приятную жажду; ему подвернулась удача закусить зазевавшимся зайцем, и теперь он довольно урчал от сытости, после каждого наклона оставляя на поверхности воды расплывающиеся алые пятна. Внезапно он уловил за спиной подозрительный шорох и резко поднял голову, неожиданно наткываясь на пронизывающий взгляд медведя. Это была неприятная встреча, которая не сулила ничего хорошего. Одному ему, без помощи стаи, с врагом не справиться. Мысли пронеслись как вихрь, он был на волоске от смерти. Он прикинул расстояние: ему крупно повезло, что он вовремя заметил опасность, еще два-три шага, и ему было не спастись. Медведица, понимая, что ее обнаружили, поднялась во весь свой недюжинный рост и яростно заревела, грозно размахивая передними лапами. Волк резво отпрыгнул от ручья и, низко припадая к земле, затравленно попятился к спасительным кустам, свирепо скалясь и предостерегающе рыча в ответ. Шерсть на его загривке встала дыбом, он не сводил с медведицы беспокойного взгляда. Медведица вновь испустила грозный рев и свирепо бросилась в атаку. И волку только оставалось, трусливо поджав хвост, поспешно ретироваться восвояси. Здесь уже было не до ущемленного самолюбия – жизнь дороже. И он проворно нырнул в заросли шиповника, не обращая внимания на болезненные уколы острых шипов.

Медведица не стала преследовать убегающего врага. Немного постояв, дождавшись, когда смолкнет шум вдали, она вернулась назад, издавая тонкий призывный свист. Медвежонок настороженно покинул укрытие и послушно засеменил рядом. И они медленно направились к высокогорью, где на прогретых склонах зеленела поросль молодой черемши.

Глава 2

Петляющей змейкой среди возвышающихся сопок извивалась едва приметная таежная тропинка, по которой уверенно шли два человека, невольно стигаясь под тяжестью наброшенных на плечи раздутых рюкзаков. Охотники уже сбились со счета; сколько преодолели пологих хребтов, обошли стороной отвесных скал, миновали вброд горных рек, сопротивляясь сбивающему с ног стремительному течению. Но они упрямо двигались к намеченной цели. Двое суток в пути. Изматывающий день и короткая ночная передышка. Сон – больше похожий на бодрствование, а с рассветом снова дорога; пот, заливающий глаза, жгучие укусы комаров и гнуса. Их уже мало интересовало, сколько километров осталось позади; больше заботило, когда же завершится этот безумный переход. Но цель оправдывала средства. Люди валились с ног от усталости, но со звериным упорством двигались к медвежьей проталине в предвкушении желанной добычи. Медвежья желчь высоко ценилась на «черном» рынке, и за нее давали хорошие деньги. А также можно было сдать лапы и шкуру. Все вместе сулило приличный куш – столько не заработать и за год в леспромхозе. Да и мясо на зиму останется, а значит, отпадет надобность покупать свинину, которая в этом году значительно подорожала. Что ни говори, кругом сплошная выгода. Пусть медведь и зверь опасный, но добывать его им приходилось не впервой, по крайней мере одному из охотников. А это уже вселяло долю оптимизма, без добычи они назад не вернутся. К тому же оба они были отменными стрелками и прекрасно вооружены; о брюки защитного покрова приветливо бились потертые лакированные приклады двустволок, а кожаные ячейки патронташей забиты патронами с разрывными пулями, которых хватило бы отстрелять всех медведей в округе. Крутой последний подъем, и охотники наконец-то вышли на интересующий участок местности. С вершины сопки тайга лежала как на ладони; у ног, насколько хватало взгляда, раскинулся величественный кедрчак, и лишь по берегу горной речки, выющейся подобно серебристой нити, робко жались ивы и редкие березы.

– Вот и дошли! – удовлетворительно хмыкнул пожилой охотник и, осторожно спускаясь с пологого склона, обнадеживающе заверил: – Перейдем реку, и мы на месте! – На очередном повороте, прислоняясь рюкзаком к дереву, он вытер широкой мозолистой ладонью скатывающиеся с упрямого лба крупные капли пота и, приглаживая назад седые мягкие волосы, задумчиво заключил: – Осталось километра два от силы! Выйдем к реке, у сухостоя там, на Гришенской поляне, и разобьем бивак!

– Обрадовал! – устало выдохнул черноволосый мужчина лет на двадцать моложе своего собеседника. Он ни на шаг не отставал от старшего товарища, которому знакомая местность словно придавала резвости, и разочарованно пожаловался: – Эта прогулка до «кордона» окончательно извела меня! Сил моих больше нет тащить этот проклятый рюкзак! Такое ощущение, словно жена в него специально кирпичей наложила, чтобы я издох по дороге! – и глухо пригрозил: – Вернусь, заставлю саму по дому с рюкзаком побегать! Пусть узнает, почему пуд лиха! Додумалась наложить всякой ерунды, словно я не на три дня в тайгу отлучился, а зазимовать собрался! Размечталась! – Гневу охотника не было предела. – Заставь дуру Богу молиться, она и лоб расшибет! Зараза!

На вид мужчине было лет тридцать пять; можно сказать, красивый, крепко сбитый, низкорослый и широкоплечий, отдаленно чем-то напоминающий английского бульдога, с такими же кривоватыми ногами и с выступающей вперед нижней челюстью. Но больше всего пугали смотрящие исподлобья черные глаза, в которых, как яркие вспышки, полыхали безумные зарницы. Не каждый в поселке мог выдержать этот обжигающий ненавистью взгляд взбешенного зверя, чтобы не ощутить предательский холодок на спине от страха. За свой неуправляемый буйный характер Михаил среди односельчан слыл ярым дебоширом. Вспыльчивый, заводящийся с полуборота, он постоянно ввязывался в драки, большинство которых сам же и затеял.

Его боялись и старались обходить стороной, чтобы случайно не попасть под его горячую руку. Он был не просто жестоким человеком, а настоящим садистом, в котором отсутствовало понятие жалости и сострадания. Частенько напиваясь до беспамьяства, он жестоко избивал жену, пуская вход тяжелые кулаки. А когда она теряла сознание, уже ногами добивал лежащую на полу женщину, после чего она неделями отлеживалась в постели, с трудом отходя от побоев. А так как поводы к применению грубой силы у него имелись всегда, то и у женщины месяцами не сходили с опухшего лица синяки и ссадины, говоря окружающим людям о тяжелом нраве мужа. Хотя он частенько прикладывался к рюмке и постоянно дебоширил, но никто не мог возразить, что охотником Михаил, тем не менее, был добычливым и до безрассудства отчаянным. Мужчина в одиночку ходил на кабана, случалось, приносил и сохатого. А однажды голыми руками задушил напавшего на него матерого волка, шкура которого теперь устилает пол на кухне, служа прямым доказательством его недюжинной силы. На своем веку он много бил всякого зверя, но вот на медведя приходилось охотиться впервые. И он надеялся, что не ударит лицом в грязь перед старшим товарищем, рассчитывая на свою меткость и богатый опыт по добыче иного крупного зверя.

– Фу ты! Прибыли! – удовлетворенно выдохнул Сергей Петрович, проворно скидывая на землю рюкзак и устало присаживаясь рядом: – Теперь осталось дело техники – разыскать косолапого и взять его на мушку! А дальше как повезет, или мы его, или он нас! Иного не дано! – мужчина громко рассмеялся, скаля пожелтевшие от никотина зубы, обводя поляну цепким охотничьим взглядом и пытаясь отыскать хоть малейшие признаки присутствия хозяина тайги.

– Наконец-то! – облегченно выдохнул Михаил, заваливаясь рядом с товарищем, и поспешно стянул кирзовые сапоги, предоставляя отдых гудящим от ходьбы ногам. – Какое блаженство! – умиленно простонал мужчина, вытягивая вперед босые ноги и рассматривая покрасневшие пальцы. Хоть он и был физически не слабым человеком, но даже его изрядно измотал сорокакилометровый марафон. – Ты медвежье место поближе найти не мог?!

– Ближе уже всех отстреляли! – издевательским тоном заметил Сергей Петрович, скрутив самосад и смачивая слюной папирусную бумагу. – Людей в лесу больше, чем грибов! Зверье все перевели!

– Это точно! – подтвердил Михаил, массируя поочередно ступни ног, и мечтательно произнес: – Сейчас бы вздремнуть часок-другой! Слегка отдохнуть и со свежими силами в бой!

– На том свете отоспимся! – насмешливо возразил Сергей Петрович. – Времени в обрез! Во-первых, нужно дотемна успеть разбить бивак! А во-вторых, необходимо плотно перекусить! Кто знает, когда еще придется поесть! – И, развязывая рюкзак, ворчливо запричитал: – Не пристало питаться настоящим мужикам одним святым духом! Сном сыт не будешь! Нам нужно мясо, много мяса, в нем вся мужская сила! А силушка нам сегодня еще пригодится! Ой, как пригодится! Медведь слабаков на обед заказывает! Стоит чуточку зазеваться, расслабиться, а он тут как тут, сгребет тебя в охапку, и поминай как звали!

– Хватит причитать, мы тоже не из мякины сделаны! Как-нибудь сумеем за себя постоять! – огрызнулся Михаил, с любовью поглаживая лакированный приклад двустволки. – Да и подруга у меня не то что медведя, слона уложит на обе лопатки! Медведь для моей «старушки», что мышка для кошки! Ам-м, и проглотила!

– Всегда случается первый раз! Смотри, как бы не подавилась! – незлобно подковырнул Сергей Петрович, лукавым взглядом окидывая новенькое ружье товарища. – Осечки дают даже самые дорогие ружья, тем более новые! Им вообще веры нет! Твоя пушка, что ни говори, внушительна! Красавица! Но еще не пристреляна! Нужно было брать старую берданку, она у тебя, как Робин Гуд, – была точно в яблочко! – Михаил лишь отмахнулся, не соизволив даже возразить. Но дед назидательно продолжил: – Всегда необходимо быть ко всему готовым! А больше всего к неприятностям! Они только и ждут случая, чтобы ударить тебе в спину! Старые ружья, как бабки, проверенные годами, а новые так себе! Никакой гарантии! Как молодуха. Вроде все

при ней, а нет надежности! И медведь тебе не безобидная мышка, глазом моргнуть не успеешь, как он у тебя за спиной сверху навалится! А задавить ему человека раз плюнуть, как никак центнер весит, где его выдержишь! Такая махина, а ходит по лесу, веточка не хрустнет, спрячется в кустах и ждет, пока человек мимо пройдет! А потом как выскочит! На медведя ходить – это тебе не баб щупать, всегда нужно быть наготове! Даже опытные охотники пропадали почем зря, становясь жертвами своей самоуверенности, забывая, что судьбой повелевает случай! Дураки только гребут всех зверей под одну гребенку! А у зверья, как и у людей, у каждого свои привычки и характеры! Бывает, и заяц нападает на охотника! – Сергей Петрович задумчиво всей пятерней взъерошил седые волосы и глухим голосом произнес: – Я расскажу тебе одну историю, мне ее поведал давнишний приятель из Иркутска, с которым мы вместе не одну ночь провели в засидках на солончаках, охотясь на лосей! – Дед рассеянно мотнул головой, словно погружаясь в прошлое. – Сам знаешь! На схрон приходишь засветло, чтобы зверь не почуял твоих следов, а пока ожидаешь сумерки, времени хватает, чтобы поговорить по душам! Так вот что он мне рассказал! Случилось это в Слюдянке десять лет назад! –

Он пристально посмотрел на недоверчиво ухмыляющегося товарища и разгорячено заметил: – Зря скалишься, поверь мне, это не выдуманная история! Мой отец, царство ему небесное, – дед суеверно перекрестился, – сказывал, что в старину для охотника было делом чести выйти на медведя с рогатиной! Рогатина и нож, и ничего более! Глаза в глаза, один на один! Вот это удал! Но порой встречались еще отчаяннее храбрецы, которые вступали в смертельную схватку с медведем, орудуя ножом и шапкой!

– Жаль, что не с серпом и портянкой! – надсадно захохотал Михаил, не сомневаясь, что вся «правдивая» быль – очередная охотничья байка. – Помахал платочком, а из кустов медведь, как бык на красную тряпку несется, ты рубанул его по шее, и голова, как шарик, слетает с плеч! Не охота, а настоящий сбор урожая! Сходил в лес, накопил себе мяса на зиму, продал шкуры! Благодать, никаких затрат, одна прибыль! – смеясь, он не переставал проворно крутить между пальцев оцинкованный патрон, начиненный свинцовой пулей, сверху надпиленной в виде креста. Разрушительная сила разрывной пули невероятная. Входя в тело маленькой аккуратной точкой, она непредсказуемо могла выйти в любом месте, вынося за собой все внутренности.

– Не иронизируй, Фома неверующий! Вам, молодым, лишь бы посмеяться! А зря! Лучше мотали бы на ус и запоминали! Охота – дело серьезное, ей, как и в школе, учиться надо! А кто еще вам, недотепам, преподаст урок, кроме нас, стариков! Все мы на словах – герои, а только дела коснется, сразу в кусты! Я да я! Одна пустая бравада! Свалить медведя ружьем большого ума не требуется, были бы патроны и глаз меткий! То ли дело рукопашная! – Он отрешенно махнул рукой. – Не у всякого хватит духу в одиночку справиться с медведем, а тем более одним ножом! – Пожилой мужчина уверено кивнул, соглашаясь со своими словами. – Шкура у зверя твердая-дубленая, кости крепкие, да и лапами он орудовать мастак, не подберешься! У охотника один-единственный шанс нанести смертельный удар, чтобы через ребра попасть в сердце! На это требуется особая сноровка, оттачиваемая годами! Не каждый охотник – хороший! Человек должен обладать многими качествами; храбростью и выдержкой, а также ловкостью и присутствием духа! И конечно, силой, без нее никуда! Но зато сколько получаешь удовольствия, когда лежит мертвый у твоих ног матерый зверь, которого ты одолел в честной схватке! Только на это решится не каждый! Трус выбирает легкие пути, пользуясь безопасными для своей жизни способами! Капканы, винтовки с оптическим прицелом, железные петли! Убил зверя, порой даже в глаза не увидев живого, и распевает, как он рисковал! А чем хвалиться: что отсиделся в кустах? Настоящий охотник встречает опасность лицом к лицу, грудь на грудь, глаза в глаза! – Он тяжело вздохнул. – Но всего предвидеть невозможно! Мы предполагаем, а Бог располагает! Удача – капризная девчонка! – Мужчина растерянно развел руками. – Судьба порой нам преподносит непредвиденные сюрпризы! И на старуху бывает проруха! И тогда все твои старания летят коту под хвост! Вроде сделал все как положено, пра-

вильно рассчитал каждый шаг, движение! А нет, вышла неувязка, нелепая промашка, стоящая тебе жизни! Непредвиденное обстоятельство, трагичное вмешательство рока разрушает обыденный расклад! Оказывается, – Сергей Петрович многозначительно прищелкнул языком, – встречаются феномены и среди зверей, которые на выработанный подход реагируют иначе, нестандартным способом поведения! Так случилось и с тем медвежатником! Он на протяжении многих лет успешно пользовался простейшим способом охоты, срывал с головы шапку, демонстративно замахивался, заставляя зверя инстинктивно подняться на дыбы, и резко бросал шапку медведю в голову! Медведь невольно моргал, получая ушанкой по глазам, а охотник тем временем проворно подскакивал к нему вплотную и сильным ударом вонзал нож в сердце! Хватало одного удара, чтобы зверь замертво падал на землю!

– Ничего себе! – восхищенно воскликнул Михаил, от удивления раскрыв рот. – Вот это мастерство!

– Мужик был хорошим человеком, – старик печально растягивал слова, смотря затуманенным взглядом словно сквозь время, – он убивал зверя профессионально, мгновенно, не давая напрасно мучиться! – внезапно в его голосе послышались гневные нотки. – Ведь если вскрыть медведю брюхо, то он от боли начинает наматывать вывалившиеся кишки на лапу, умирая в страшных мучениях! Но это уже не охота, а настоящее изуверство получается! Смерть должна быть легкой и быстрой! – Сергей Петрович вопросительно взглянул на товарища, тот в знак согласия утвердительно кивнул. – Вот и он понимал: выпустить кишки медведю ума большого не требуется, ударил и отскочил на безопасное расстояние! И остается только ждать, пока зверь себя не раздерет на части! И никакого риска! – Он отрешенно махнул рукой. – И никакой радости от победы! Низко и подло! Мне уже не справиться с медведем без ружья, силушка не та! Да и по молодости побаивался я идти на медведя с ножом, что поделаться, храбростью Бог не наделил! А медвежатник читил только честный поединок и не терпел подлости и несправедливости, он оставлял зверю шанс, которым тот однажды неминуемо воспользовался! Охотник вышел победителем из тридцати схваток с матерыми самцами, но тридцать первый для него стал последним – роковым! А произошло это не по его оплошности или досадной ошибке! Он делал все как обычно, отработанной годами схемой, но, видно, от него отвернулась удача! – И, немного подумав, растерянно добавил: – Или вышел сам медвежий Бог, прослышав о храбром охотнике, желая помериться с ним силами! – Сергей Петрович, как и прочие старики, был суеверен, убежденный в том, что даже камень имеет свою непонятную нам лесную душу. -

Разве разберешься, какие вмешались высшие силы, но результат оказался плачевным! Охотник, как обычно, замахнулся, поднимая медведя на задние лапы, машинально бросил шапку и стремительно подскочил к ревущему зверю, готовый нанести смертельный удар! А тот – оп, и обнял человека! Тебе не нужно объяснять, что значит оказаться в железных медвежьих объятиях! Это словно попасть под гидравлический пресс, доли секунды, и грудная клетка превращается в спрессованный мешок! Глазом не успеешь моргнуть, как отправляешься на свидание к предкам! А все дело в том, что зверь не соизволил моргнуть и видел приближающегося охотника! А дальше – дело техники! Вот так-то! Мораль сей басни такова: как бы ты ни был готов, события иногда развиваются не по заданному сценарию!

– Да уж! Занятный случай! – угрюмо согласился Михаил, чувствуя на душе неприятный осадок. – Я тоже одну веселенькую историю знаю, мне ее рассказал знакомый охотовед, когда я покупал лицензию на отстрел лося. Значит, дело было так. Один горе-охотник, – он возбужденно подался вперед, отчаянно жестикулируя, – решил в одиночку сходить на лося! Приобрел лицензию и ринулся на подвиги! Сутки, нет, вторые прошли! Тишина! На третьи жена заволновалась и обратилась в лесничество! Те организовали поисковую группу и кинулись его искать...

– Нашли? – возбужденно полюбопытствовал Сергей Петрович, на мгновение переставая разбирать рюкзак.

– А куда они денутся! Это для городских жителей тайга – китайская грамота, а для таких, как мы, что раскрытая книга! А если знать, где искать, вообще плевое дело! – Мужчина воодушевленно размахивал руками. – А вот теперь представь себе такую картину! В три объёма здоровенная береза, в ней два трупа; наш горе-охотник и пригвоздивший его рогами к стволу дерева сохатый! Вот где ирония судьбы, охотник и добыча застыли в смертельных объятиях, и теперь не разберешь, кто из них охотник, а кто жертва! Нет победителей и нет побежденных, смерть уравнила их! – Он недоуменно развел руками. – Видно, охотник лишь подранил зверя, а тот оказался не робкого десятка и пошел на человека, взял на рога, но не рассчитал силы и пригвоздил к стоящему поблизости дереву! А может, сделал это намеренно, инстинктивно чувствуя приближение смерти, решил за собой на тот свет утащить и человека. Кто его знает, что там произошло, мертвые ведь ничего не поведают! Вариантов много, конец один. Знаю только одно, что впятером охотники еле управились, вытаскивая рог из расщелины. А теперь представь, с какой силой сохатый ударил человека!

– Да уж, дела! – удрученно протянул Сергей Петрович, прикуривая папиросу, и глубоко затянулся, представляя трагичную сцену. – Вот ведь судьба сыграла злую шутку! Они, наверное, умерли не сразу, а истекая кровью, с ненавистью смотрели в глаза друг другу!

– Злорадно ожидая, кто умрет первым! – хищно улыбаясь, поддакнул Михаил. – Возможно, и радовался лось, что враг умер быстрее, но, думаю, не так уж и долго! В принципе никто из них не выиграл! Оба сыграли в ящик!

– Да нельзя так! – осуждающе произнес дед печальным голосом. – Две смерти, две перечеркнутые судьбы!

– Да и черт с ними! – злобно выругался Михаил и в сердцах махнул рукой. – Стану я еще по мелочам переживать, мне до них нет никакого дела! Кто они мне, родственники, что ли?! Братья, сваты! Кто?! Никто! А если никто, то незачем и голову забивать! Да им уже ничем не поможешь! Как ни старайся, не оживить! Да и далеко теперь они отсюда, наверное, блаженствуют там! – Он ткнул указательным пальцем в небо. – Ни в чем себе не отказывают! А нас впереди ожидают куда более важные дела, чем расстраиваться по поводу чьей-то никчемной жизни!

Михаил не имел ни малейшего представления о жалости, сострадании, сочувствии, чужая судьба его не волновала, он больше заботился о собственном благополучии, считая, что каждый несет свой крест. И если кому-то суждено умереть, так тому и быть, а он здесь ни при чем. Мужчина рывком поднялся и вразвалочку направился к протекающему поблизости горному ручью, сквозь кристальную поверхность которого просматривалось песчаное дно и облепленные зеленой тиной камни. Резвая стайка серебристых секачей испуганно отшатнулась от появившейся на поверхности человеческой тени и проворно устремила в густые ветви склоненной к самой воде осины. Человек присел на корточки и, загребая ладонью прохладную родниковую воду, вволю напился из ручья. Утолив жажду, он поднялся и, с хрустом потягиваясь, неуверенно заключил:

– Невезение преследует какое-то, за всю дорогу не повстречали ни одного медвежьего следа, даже малейшего признака существования! Словно зверя здесь нет и никогда не было!

– Не волнуйся, еще повстречается, да и не один! Я давненько заметил это местечко, еще по зиме, когда ходил на соболя капканы ставить! Огибаю, значит, расщелину, она уже недалеко отсюда находится, смотрю, из маленькой продушины в снегу пар валит! Понятное дело, медведь в корнях свалившегося кедра берлогу себе устроил. Хотел сразу его прижучить, но побоялся, вдруг медведица с медвежонком! – Дед растерянно пожал плечами. – Ладно, мать убил бы, а что с медвежонком делать, грешно как-то дитя на тот свет отправлять! Жизнито еще не повидал, совсем кроха! С собой не возьмешь, а здесь оставлять верная гибель! Да

и в прошлом дал я себе клятву не трогать матерей с малышами! Непристойное это дело – умертвить дитя, пусть и звериное, в материнской утробе или когда оно сосет грудь! Великий это грех! Дети есть дети, ходят на двух они или на четырех! За это Бог по головке не погладит, так накажет, мало не покажется! А в моем возрасте лишний грех на душу брать, упаси Господи, нет желания! И так по ночам кошмары покоя не дают из-за прошлых деяний!

Михаил язвительно ухмыльнулся. Но пожилой охотник, заметив ехидную улыбку, осуждающе качая головой, горячо возразил:

– Я знаю, что ты подумал, одним больше, другим меньше, какая разница! Вырастет, вдруг на тебя же и нападет, называется, пожалел! А так наверняка, без шанса! Я так же рассуждал по молодости, убил, и никакого раскаяния! Но с возрастом приходит осмысление, начинаешь смотреть на мир иными глазами! Ты становишься более проникательным, стараешься не допускать непростительных ошибок, способных в будущем выворачивать душу наизнанку! – Он тяжело вздохнул, вновь уходя в себя. – Прошлое может быть очень мстительным! Если не ударит физически, то ранит душевно! А как долго душевные раны не заживают, знают только тоска и горечь! Вот они-то меня и изводят! Отыгрывается прошлое на мне за мою беспечную молодость! От него нельзя укрыться даже ночью, во сне! Везде достанет и изведет! – Сергей Петрович нервно потер вспотевшие ладони. – Мне каждую ночь уже на протяжении года снится один и тот же сон, смертельно раненная мною олениха! – Он горько вздохнул. – Первый на охоте выстрел из ружья, и такая удача! Я подбегаю к своему первому трофею, вот будет гордость перед отцом! А она смотрит на меня, и из глаз ее катятся настоящие слезы, а под ней придавленный материнским телом бился в агонии новорожденный олененок! Она просто лежала и смотрела мне в глаза, и в них я видел невыносимую тоску, не ее боль, а боль за малыша! Она пыталась привстать, но ноги ее не слушались, и когда в очередной раз заваливалась, я услышал хруст костей, это сломались ребра у олененка! У меня в душе все перевернулось, не поверишь, я плакал вместе с ней! Я словно превратился в камень! Я не чувствовал одобрительные похлопывания отца по плечу, не слышал его похвальные слова, я видел только ее и мертвого олененка! Мой первый охотничий трофей не принес мне ничего, кроме терзающей все оставшиеся годы острой душевной боли! Как я мечтаю вернуться в то далекое прошлое и воздержаться от того рокового выстрела! И может быть, тогда бы меня отпустило чувство вины! Я уже устал просыпаться в холодном поту, терзаемый ее взглядом и пятнистым боком бьющегося в агонии олененка! – Глаза старика увлажнились, и он с печалью произнес: – Вот так, охота не всегда доставляет радость, порой она приносит лишь огорченье! – И уже более спокойным голосом продолжил: – Поэтому я не стал торопить события – дождался весны, чтобы повторно не наломать дров! – И, отгоняя грустные воспоминания, решительно встряхнул головой. – Прошлого уже не изменить, а питаться чем-то надо! В магазинах ничего нет, вот мне и приходится мотаться на охоту, чтобы детям и внукам подарочки в город отсылать! Мы-то и картошкой проживем, все же огород свой, а им, молодым, чтобы расти, мясо требуется! Так что если это самец, на что я очень надеюсь, то он от нас нигде не скроется!

Сергей Петрович Силантьев слыл опытным охотником, на счету которого был не один убитый медведь, в отличие от молодого товарища, который впервые участвовал в медвежьей охоте. Себе напарника Сергей Петрович взял для подстраховки. Зрение было уже не то, и в руках появилась предательская дрожь, да и прежние силы с годами поиссаякли. Что и говорить, он разменял уже шестой десяток, хотя на людях по-прежнему старался бодриться и выглядеть молодцом. Но годы... Но годы неустанно брали свое, время не стояло на месте, и с его бегом он безвозвратно старел. Он все больше и больше сутулился, все ниже и ниже сгибаясь к земле. И теперь некогда густые черные, словно смоль, волосы поредели и больше напоминали выпавшую порошу, а на впалом лице прибавилось морщин. Но было нечто и положительное в его возрасте: взамен юношеской несдержанности пришел умудренный опыт, которым он разумно пользовался. Теперь он не допускал досадных оплошностей и поспешных решений. Мужчина

лишь беспокоился, как бы молодой охотник в горячке не натворил бед, способных повлечь за собой собственную же гибель. Как и в любом деле, приходилось отдаваться на волю случая, и тогда все твои старания коту под хвост. То могут подвести злополучные осечки, или зверь зайдет со спины, а еще хуже – встретится выводок медведицы с двумя двухгодовалыми пестунами, вроде еще не взрослые, но уже не дети и ростом с мать. Вариантов много – конец один. Поэтому он старался не загадывать на будущее, все должно идти своим чередом, нельзя торопить события. На все воля Божья. И по-отцовски нравоучительно продолжил:

– Если знаешь повадки животного, успех почти гарантирован! Известно, что медведи оставляют свою территорию лишь в исключительных случаях; неурожайный год, подранок, зимой – шатун, или при сильном лесном пожаре! А так как тайга у нас не горела и не горит, а в прошлом году было много ягоды и кедровых орехов – жира он нагулял и всю зиму спокойно проспал! И весна выдалась ранняя и урожайная на черемшу, зверю не приходится голодать после пробуждения, а значит, и нет надобности куда-то срываться и оставлять насиженное место! Отсюда следует вывод: медведь бродит где-то поблизости, и мы его обязательно встретим!

Черемша росла повсюду и напоминала зеленый ковер, высотой достигающий колен человека. Михаил протянул руку и сорвал самый толстый стебель. Аккуратно очистил его от горькой кожицы, оборвал листья и с хрустом надкусил, аппетитно пережевывая сочную солоноватую мякоть, чем-то по вкусу напоминающую листья чеснока.

– Да и омуля в речках вдоволь! – одобрительно добавил он, удобно располагаясь на траве. – Я на нересте наловил столько, девать некуда! На зиму засолил целую бочку, а остатки продал в городе на рынке, хорошую выручку сделал! Если так и дальше продолжаться будет с левым заработком, зимой новую стиральную машину куплю, а то старая на ладан дышит! Может, перекусим? – неожиданно предложил он, поглаживая рукой урчащий живот. – Во рту за день не было и маковой росинки!

– Давно пора! – согласился Сергей Петрович, проворно доставая увесистый пакет с завернутыми в фольгу съестными припасами. – Сейчас посмотрим, что у нас осталось!

– Остатки сладки! – усмехнулся Михаил, доставая из бокового кармана рюкзака вилку и железную кружку.

– Верно подмечено! – подтвердил Сергей Петрович, колдуя над обедом. Он расстелил газету и выложил на импровизированный стол хлеб, два куриных окорока, соленые огурцы, четыре яйца и запеченную в мундире картошку. Оценивая продукты, уверенно заключил: – Чем богаты, тем и рады! Негусто, но червячка заморить хватит! А вечером, если повезет, у нас уже свежее мясо будет, наедемся до отвала!

Он бережно извлек из кармана походную солонку, аккуратно высыпал горсть соли на край газеты и, не оборачиваясь, попросил друга:

– Я здесь пока все нарежу, а ты сходи, набери сушняка для костра! Чайком побалуемся из листьев смородины! Вон ее сколько растет у ручья, листья молодые, чай душистым получится!

– Хорошо! – без особого энтузиазма произнес Михаил, с неохотой вновь надевая кирзовые сапоги. Со сдавленным стоном поднялся на гудящие от многочасовой ходьбы ноги и устало направился к заваленной сосне. Резкими ударами каблука он наломал сухих веток и, взяв их в охапку, принес к биваку. Сложил хворост пирамидой, извлек из нагрудного кармана куртки завернутый в целлофан коробок спичек и, используя лишь одну из них, разжег костер. Зачарованно наблюдая за набирающим силу пламенем, так же бережно завернул коробок и убрал во внутренний карман. Спички в тайге были на особом счету, их берегли как зеницу ока, эта была защита, тепло и горячая пища. И не приведи Господь, если они отсыреют или по небрежности потеряются, тогда охотника ожидали неприятностей в виде непогоды или ночного нападения крупных хищников. А в тайге хватало тех, кто не прочь был полакомиться человечинной: это и медведи, и волки, и рыси.

Михаил срезал ножом две рогатины, заточил их у основания и с силой воткнул в землю параллельно друг другу, а сверху положил прямую палку. Сходил к ручью, набрал котелок родниковой воды и нарвал листьев смородины, аккуратно подвесил котелок над костром. Радужные капли, проворно скатываясь по почерневшей от копоти поверхности, мгновенно слизывались обжигающими языками пламени, и в местах, где соприкасались вода и огонь, рождалась вечная симфония неукротимых противников, надломленного треска и досадного шипения.

– Присоединяйся! – широким жестом пригласил товарища Сергей Петрович. – Обед готов! Правда, особо не рассчитывай на праздник живота!

Приступая к трапезе, он, как обычно, перекрестился.

– И на том спасибо! – поблагодарил Михаил, усаживаясь напротив. – Я, конечно, сейчас бы и быка целиком съел, но если нет, то и яйца тоже пища!

И мужчины с аппетитом накинулись на еду.

– А знаешь, я давненько мечтал сходить на медведя, вот только случай никак не подворачивался! Копытные и рогатые уже надоели! Хочется адреналина, риска, опасности! Хотя и эти могут доставить тебе неприятностей, одно название лишь, что травоядные! У лося удар копытом такой силы, что череп волку разбивает! А секачи еще те клыкастые фурии, ничего не боятся, атакуя, сметают все на своем пути, как танки, сколько уже охотников на тот свет отправили, не счесть! – с набитым ртом пробубнил Михаил, старательно обгладывая куриную кость. – Но все равно хочется чего-нибудь новенького! Да и хищник как-то уважительнее звучит! Здоровенный медвежище встает на дыбы, а ты... – Охотник, выставляя указательный палец, хитро прищурил левый глаз и, словно прицеливаясь в невидимого противника, возбужденно воскликнул: – Бабах из ружья! И у горы мышц красуется такая маленькая аккуратная дырочка промеж глаз! Вот тебе и сувенир на память! Выделаю прекрасную медвежью шкуру, расстелю посреди зала, а сверху брошу волчью, и будут они долгими зимними вечерами согревать на полу мои голые ноги! Романтика! Много ли требуется для счастья, помимо уюта и тепла! Лишь достойный трофей!

– Как ты скор на руку! Разогнался – не остановить! Уже поделил шкуру неубитого медведя! Размечтался! Медведь тебе не волк, он куда более серьезный противник! Его голыми руками не возьмешь! Да и в голову ему стрелять бесполезно, у него череп броневой, пуля лишь отскочит! – с иронией возразил Сергей Петрович, с хрустом в коленях вытягивая ноги. – Не все так просто, как ты себе представляешь! Ерунда, прицелился – выстрелил, еще и попасть нужно, куда следует! Медведь даже прыткий зверь, за ним не станет, чуточку зазевался, и поминай как звали! Будь уверен, глазом моргнуть не успеешь, как он окажется рядом и сгребет тебя в охапку! Прижмет любя к груди! И от его нежностей станет тебе так тошно, что костей не соберешь!

– Да уж! – подтвердил Михаил, задумчиво пожимая плечами. – Наслышаны мы о медвежьих объятиях! Это как попал в стальные тиски, из которых уже не вырваться!

– Поверь мне, старику, это еще не самое болезненное! – старик лукаво прищурил глаза и нагнетающим голосом продолжил: – Быстренько лишиться жизни, это, считай, тебе повезло! Вот если он разыграется, тогда держись, каждый его шуточный удар для тебя – новая сломанная кость! Ты уже напоминаешь переломанную куклу, а он все забавляется! Твои крики от боли для него сладкая мелодия, он вошел в раж и остановиться не сможет, пока ты не испустишь последний вздох! И станешь ты для него трофеем, который он прикопает на недельку в землю для запаха и мягкости! Любит он разложившееся мясо больше, чем свежее! А скальп твой заберет с собой в берлогу! – И, улыбаясь, передразнил друга: – И будет им любоваться долгими дождливыми осенними месяцами, вспоминая об удачной весенней охоте!

Михаил брезгливо поморщился, красочно представив себе оголенный, изрешеченный белесыми прожилками кровеносных сосудов человеческий череп. Фантазия, как обычно, не подвела.

– Прямо так, с запашком и лопают?!

А бывалого охотника понесло.

– Даже не сомневайся, сам однажды видел, как он из земли разложившуюся тушу изюбря выкопал! Там так воняло, я аж нос зажал, а ему бы хоть бы хны, чавкает, еще и слюни пускает! Так что врут горе-охотники, утверждая, что медведь разборчивый и чем попало не питается, употребляя в пищу лишь свежее мясо! Не верь этому, это бредни людей, которые тайгу видели не иначе как в телепередаче «В мире животных»! Медведи любят баловаться «свежаком», который для сочности пролежал в земле не менее недели, набирая незабываемый аромат!

– Тьфу ты! Век живи – век учишься! Никогда бы не подумал! – с отвращением сплюнул Михаил. – Еще хозяин тайги называется, никакого величия, жрет всякую погань, как гиена! – у него пропало всякое желание попробовать такое хваленое за мягкость и сочность медвежье мясо. – Что говорить, одним словом – животные! И как ему нравится мертвечиной питаться?! – Мужчину от омерзения передернуло. – Гадость какая!

– О вкусах не спорят! – улыбаясь, возразил старик. – Одним непременно подай на стол вареное блюдо, другие предпочитают жареное! А вот медведь выбирает натуральные испорченные продукты! У каждого свой деликатес!

– Все же оленье мясо благороднее медвежьего! – убеждено заключил Михаил, хотя неприятный рассказ совсем не испортил у него аппетита. – На стороне травоядных животных огромный плюс, из их рациона полностью исключены мясные блюда! – И задумчиво добавил: – Да, и охоту на них вряд ли можно назвать увеселительной прогулкой! Если так задуматься, кто еще победит, сохатый самец или медведь, дури у обоих хватает! А секач-вожак тоже не подарок, клыки как бритвенные ножи – брюхо быстро вскроет! Год назад со мной забавный случай приключился! Решил я по осени на кабана сходить! Взял двустволку шестнадцатого калибра, начинил патроны пулями и, значит, ближе к вечеру засел в схрон на Кузьмичевом пастбище! Ты же знаешь, там солончаки Гурьевские находятся?! – Петрович утвердительно кивнул головой. – Так вот, сижу уже битый час на лабазе, солнце уже за макушками деревьев скрылось! Темно, хоть глаз выколи, поляна видна лишь в общих очертаниях, комары до смерти закусали! Все, думаю, плакала моя охота, пора домой собираться! Вдруг боковым зрением замечаю, что кусты напротив слегка заколыхались, я радостно потираю ладони: «Вот он, родной, явился – не запылится!» Взвел курок, приготовился стрелять навскидку и терпеливо жду появления кабана! А его все нет и нет! Ну, думаю, померещилось! Как неожиданно совсем с другой стороны вышел на поляну огромный секач, а в темноте он еще больше показался! Внимательно осмотрелся и вперед, направился в мою сторону! Я беру его на мушку и с двух стволов как дам по нему! От выстрела в ушах заложило, от вспышки в глазах потемнело, отдача едва не скинула меня с дерева! Жду, когда дым рассеется, глупо сломя голову кидаться на подранка, себе дороже будет! Но только ветерок утянул пороховую завесу, пригляделся, готов голубчик, неподвижно лежит на земле! Я перезаряжаю ружье, поспешно слезаю с дерева и бегу к нему! Как вдруг обнаруживаю, что из кустов напротив к кабану бежит еще один человек! Представляешь, им оказался Егор Сычев! Оказывается, мы одновременно разрядили ружья, и выстрелы слились! Не поверишь, это он шуршал в кустах, выбирая удобную позицию! Но только он подошел к туше, которая нам казалось мертвой, кабан вскочил и рванул вперед! Как Егор успел среагировать, только Богу известно, можно назвать чудом! Он отпрыгнул в сторону, а кабан пришелся клыком по голенищу кирзового сапога, разрезая твердую кожу, как бумагу, но не затрагивая ногу! И замертво свалился! Вот тебе и безобидная хрюшка, а такой номер выкинула, еще сантиметр, и мужика без ноги оставила бы!

– Повезло! – заметил Петрович. – А сам он как на поляну попал, ты же пришел первый и его не встретил?!

– Представляешь, до чего додумалась эта хитрая бестия, ползком дополз до кустов, чтобы не вспугнуть загодя пришедшего на поляну зверя! А где его разглядишь в маскировочном костюме среди травы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.